

Перевод: Furious SunShine

Редактор: Naides

Наконец, после длительного ожидания, в столицу прибыл восьмой принц. После пятнадцатилетней разлуки они с императором были так рады встрече, что в их общении даже не чувствовалось разницы в статусах. Отец сердечно пожал руку сыну и справился о трудностях во время его пребывания в Шу. Сын же расплакался и то и дело повторял, что отцу было тяжелее, отметив его болезнь из-за перенапряжения. Рядом с ними стояла совершенно потерянная и расчувствовавшаяся пожилая императрица Ли. Семья императора выглядела по-настоящему счастливой!

Стоявшие рядом чиновники поспешили присоединиться к действию, и все принялись промокать глаза рукавами, усиленно демонстрируя, настолько их тронула глубокая любовь императора и принца. Вот почему по всему государству такая хорошая погода, народ не нарадуется спокойствию да процветанию, и вообще весь мир стал лучше! Все благодаря столь прекрасному примеру императорской семьи! Воссоединившись с сыном, император не мог выпустить ладонь принца из своих дрожащих рук. Затем он принялся знакомить его со всеми чиновниками: это премьер-министр, который едва не умер, а это глава академии Вень Юань Ге, который тяжело трудится на благо страны, это еще пятеро министров, а там в конце зала... У Минлань закружилась голова от количества имен, их было слишком много!

— Отец, а как выглядит восьмой принц? — недолго думая спросила Жулань. На самом деле, она озвучила вопрос, терзавший всю женскую половину слушателей.

— Его Высочество — вершина творения, — устремив взгляд вверх, патриотично изрек Шэн Хун.
— Он не только блистательный ученый, но и великолепный воин, а его внешность просто несравненна.

Все женщины и девушки поверили ему на слово, так как, конечно же, всем хотелось иметь прекрасного правителя. Только Чанбай молча бросил на отца нечитаемый взгляд. На самом деле, внешность восьмого принца была далекой от идеала: квадратное лицо и большие уши. Император Гао, основавший династию (Тайцзу), хоть и славился своими выдающимися способностями, кроме того был известен своим откровенно некрасивым лицом. Его гены оказались настолько сильными, что даже несколько поколений спустя наделяли его потомков уродливыми чертами, несмотря на то, что их матери были исключительными красавицами. Тем не менее, как будущему императору, иметь заурядную внешность ему было даже выгодно и более безопасно.

Спустя некоторое время стало ясно, что осложнения болезни императора не обойдутся так просто, поэтому главный придворный астролог принялся тщательно высчитывать

благоприятный день для назначения кронпринца. Все чиновники передали поздравительные письма, после чего к действию подключилось министерство культуры и обрядов. В выбранный день отец и сын семьи Шэн выехали из дома еще до рассвета и прибыли в храм Тайчан. Церемония назначения проводилась в зале Небесной Доблести, и все присутствующие много часов провели на коленях, постоянно кланяясь императору. В конце кронпринц принял нефритовую печать, выразил благодарность императрице в главном дворце и почтил почивших в зале предков. Тем не менее, как сказал Шэн Хун, церемонию и так значительно упростили, объяснив это волнениями звезд перед приходом нового лунного года, а на деле же потому, что болезнь императора все больше обострялась.

Учитывая последние события, весь народ понимал, что сейчас нужно веселиться и радоваться вместе с семьей правителя. Те, кто был побогаче, в честь праздника даже раздал много благотворительности бедным. Маленький Чандун, несомненно, тоже очень тешился, так как в связи с назначением кронпринца у него появилось несколько выходных. Когда он вернулся домой из школы, то поспешил поделиться с Минлань последними новостями, которые услышал от уличных бродяг. Так как это был уже второй праздник за последний месяц, и снова раздавали очень много милостыни, они всерьез считали, что подобные церемонии вскоре будут проводиться каждый день. Услышав это, Минлань не смогла сдержать улыбку.

За этот год Чандун значительно подрос. Ему исполнилось одиннадцать, и он больше не походил на маленького ребенка. Он всегда был вежлив и почтителен к отцу и старшим братьям, но наедине с Минлань все еще позволял себе дурачиться. Она не раз уговаривала его показать Шэн Хуну сочинения, которые особенно понравились его учителям, и Шэн Хун даже несколько раз похвалил его. Это очень мотивировало Чандуна учиться еще усерднее. Он вставал с рассветом и сидел над книгами до самой ночи, но когда дело доходило до непосредственно обсуждения материала, его выводы и слова были слишком простыми и очевидными.

Минлань переживала, что он будет только зубрить все, не анализируя, поэтому часто советовала ему не заикливаться только на учебе.

— Все усердно учатся, чтобы пробиться на службу к императору. Но разве каждый ученик, у которого идеальные оценки, в результате становится выдающимся политиком? — спросила она. — Ты хорошо выполняешь домашние задания, и это однозначно поможет тебе получить какой-то ранг, даже если ты не займешь первые места на императорском экзамене. Но тебе лучше сосредоточиться на изучении этикета, особенностей высшего общества и обычаев, чтобы в будущем ты смог наладить контакт с коллегами и наставниками и таким образом продвигаться по карьерной лестнице. Если станешь чиновником, то сможешь принести хоть какой-то толк обществу, а не зачухнешь за своими книжками.

Так или иначе, Чандун сильно уступал по способностям Чанбаю, поэтому мог полагаться только на собственный тяжелый труд.

— Всё, чего я хочу, это чтобы маме жилось лучше, — горько усмехнулся он. Минлань подняла на него взгляд, а затем погладила по голове и тихо вздохнула.

После назначения наследника, пожилой император собирался было передать все

государственные вопросы кронпринцу и отойти от дел. Но, ко всеобщему удивлению, тот оказался настолько почтителен, что напрочь игнорировал просьбы министров и других чиновников, полностью отдавшись уходу за больным отцом. Он буквально дневал и ночевал в покоях императора и даже лично пробовал все лекарства перед тем, как их подавали правителю. За десять дней такого режима он настолько истощился, что одежда стала висеть на нём мешком.

— Мальчик мой, твоя почтительность безгранична, и я очень доволен этим. Но как кронпринцу тебе следует сосредоточиться на государственных делах, — вздыхал пожилой император.

— Любой из моих братьев может стать кронпринцем, но отец у меня лишь один, — отвечал на это принц.

Император так растрогался, что со слезами на глазах обнял сына. Они оба горько расплакались. Когда же эта история разнеслась по дворцу, все чиновники не переставали восхищаться почтительностью кронпринца.

Бо Тяньчжоу, главный военачальник пяти войск, за последний год совсем не выходил из дома по причине болезни в силу его возраста. Он тоже считал поступок кронпринца очень достойным, так как когда же еще сын сможет выразить уважение отцу, если не будет рядом с ним, когда тот при смерти? Поэтому, когда внезапно посреди ночи ему пришёл императорский приказ немедленно явиться во дворец, Бо Тяньчжоу, несмотря на своё состояние, тотчас прибыл туда и сложил полномочия главного военачальника, передав свой знак кронпринцу.

Минлань чуть улыбнулась, слушая обрывки этих новостей от Чандуна.

Спустя полмесяца, одной ночью забили в траурные колокола и гонг. Заметив это, Минлань принялась внимательно считать: всего прозвучало четыре удара. Затем она услышала беготню за дверью, а чуть позже к ней заглянула Данцзюй и сообщила:

— Его Величество умер.

Минлань не сильно вникала в политику, поэтому эта новость её не особо расстроила. Ей просто хотелось поскорее узнать, чем всё закончится. Народ был как на иголках. Однако, так как официально эти новости подтвердились намного позже, многие простолюдины поплатились жизнью за обсуждение смерти императора.

Пожилый император основательно подготовился к своему уходу, поэтому новый император взошел на престол на следующий же день и первым делом объявил великую амнистию.

Похороны прошли по всем обычаям. Был оглашен императорский указ, запрещающий всем титулованным семьям или семьям чиновников выше шестого ранга организовывать пиршества или проводить свадьбы весь последующий год, а простым людям — следующие полгода. Правила для первых также распространялись на женщин, служивших при дворе. Жизнь

чиновников усложняло ещё и то, что им нужно было не только беспрестанно рыдать у ложа предыдущего императора, но и восклицать его посмертный титул «Жэнь».

Затем новый император принялся раздавать новые звания. Императрица Ли получила титул вдовствующей императрицы Шэнъань, а императорская благородная супруга — вдовствующей императрицы Шэндэ. Остальные наложницы также получили новые титулы, соответствующие их статусам, а жена кронпринца, принцесса Шэнь, стала новой императрицей, матерью нации. Весь народ горевал и рыдал по умершему пожилому императору.

В самый разгар этого периода произошел небольшой казус. Глава храма Тайпу решил, что новому императору нужно иметь больше наложниц. Искренне считая, что услышал волю усопшего императора, он предложил избрать ещё красавиц для нового императора, чтобы обогатить гарем и поспособствовать рождению наследников. Но в ответ император разнёс его в пух и прах и даже лишил почётного титула.

— У меня уже есть сыновья, поэтому нечего прикрываться наследниками! Я буду оплакивать отца на протяжении трёх лет! — сказал он.

Это известие не обрадовало часть влиятельных семей. Некоторые из столичной знати долго готовились отправить своих дочерей в императорский гарем, но через три года эти девушки уже выйдут из подходящего для брака возраста. С другой стороны, многие испытали облегчение. Например, Минлань понимала, что если бы не этот указ, то через три года она точно уже была бы замужем.

Все церемонии для похорон императора заняли ещё полмесяца. Гроб предыдущего правителя поместили в императорскую гробницу, и на этой ноте эпопея прощания с прошлым и приветствия будущего, наконец, подошла к концу.

Как только это стали позволять приличия, Жулань прекратила носить траурные одежды и тотчас надела свои любимые яркие платья. Молань, как обычно, ещё долго писала печальные стихи и даже могла время от времени всплакнуть. Пожилая старшая служанка Ван Ши иногда посмеивалась, что Молань походила на вдову, потерявшую мужа. Минлань же продолжала работать над своим крупным заказом с гейской вышивкой. Вообще она не особо интересовалась темой отношения между мужчинами, но в этом угрюмом и суровом мире приходилось хоть как-то себя развлекать, поэтому её извращенная фантазия буквально пускалась в пляс.

Тем временем поместье Ци тоже потихоньку возвращалось к жизни. Никто и не заметил, как прислуга сняла с ворот белые фонари, белые шелковые ленты и всё остальное. Но в связи с недавними беспорядками Пиннин Цзюньчжу всё же приставила к двери старших служанок, чтобы поговорить с сыном наедине.

— Что ты сказал, паршивец?! — её трясло от ярости.

— Я сказал, что я и так уже член академии Ханьлинь. Если в будущем подвернётся

возможность для брака получше, то ты опять передумаешь? Зачем гнать лошадей сейчас? — холодно парировал Ци Хен, иронично усмехнувшись.

Пиннин Цзюньчжу влепила ему пощёчину, да с такой силой, что его голова отклонилась в сторону, а на щеке проступили красные следы пальцев.

— Непослушный нахал! Да как ты смеешь?! — взревела она.

— Что вы, матушка. Вам прекрасно известно, чего я хотел. Я был всего в шаге от своей мечты! Почему вы так бессердечны? — горько рассмеялся Ци Хен, и на его глазах проступили слезы.

Пиннин Цзюньчжу взглянула на свою дрожащую руку, и её сердце сжалось от боли. Нетвёрдым шагом она отступила на несколько шагов, а затем её ноги и вовсе подкосились.

— В день праздника я пыталась поговорить об этом с госпожой Ван. Но как только я подняла эту тему, в разговор вклинилась жена бо Юнчана и сказала, что ей тоже приглянулась Минлань. Она даже стала предлагать день для свадьбы! И что мне было делать?! Ты что, хочешь, чтобы твоя мать перессорилась со всеми из-за девушки, которая тебе нравится?

Обычно в таких случаях Ци Хен тотчас принимался извиняться и винить себя за ссору, но в этот раз горделивость матери настолько его задела, что он вспылil:

— Матушка, ваш ум всегда быстр, как молния, поэтому, полагаю, вы сразу же решили породниться с семьей бо Юнчан. Я прав? В этом случае вашей невесткой стала бы законная дочь, и вы бы не чувствовали себя униженной из-за её происхождения!

Услышав слова сына, Цзюньчжу подавилась воздухом. Да она в жизни не могла представить, чтобы её нежный и послушный мальчик вел себя подобным образом. После того случая он стал полностью игнорировать мать. Вздохнув, Цзюньчжу с трудом выговорила:

— Я только намекнула сестрице Ван. Прямо мы ни о чём не договаривались. Если тебя не устраивает брак с Жулань, то считай, что этого разговора не было. Только вот... с Минлань у тебя шансов нет.

Ци Хен замер. Мысли путались в голове, а потом на него нахлынула волна печали, и он просто расплакался.

Глядя на горе сына, Цзюньчжу тоже не смогла сдержать слез.

— Нет моей вины в том, что я пыталась упрочить позиции нашей семьи. Ты с детства купался в похвале и доброжелательном отношении других и горя не знал. А теперь что... Ты сам видел, как на нас смотрят после восстания Шэнь Чень. Некоторые даже смеются над нами...

В голове Ци Хена пронесли события последних дней прошлого лунного года, и его лицо помрачнело.

Сердце Цзюньчжу обливалося кровью, когда она смотрела на сына. Она чуть встряхнула его за плечи и мягко сказала:

— Всё, что происходит с нами сейчас, разве не из-за этого странного понятия «власть»? Будь твой дядюшка сейчас жив, или будь твой отец первым наследником дома Ци, да будь наша позиция достаточно прочной, я бы позволила тебе жениться на любой, которую бы ты захотел! Я правда желаю, чтобы ты был счастлив. Если хочешь, я сделаю всё, чтобы уговорить семью Шэн отдать тебе Минлань в качестве наложницы. Но... Хен`эр, сейчас благополучие нашей семьи — это всего лишь иллюзия. К тому времени, как мой отец умрёт, поместье Сяньяня отдадут кому-то другому. А с твоей старшей тётушкой мы всегда ссорились. Мы не можем рассчитывать на родственников ни с моей стороны, ни со стороны твоего отца! Новый император может вскоре распустить чиновников, служивших при предыдущем императоре. Ты сам понимаешь, что это грозит и твоему отцу. Он не первый год управляет поставками соли, знаешь, сколько шакалов завидуют ему и только и ждут какой-нибудь ошибки от него? Как в такой ситуации мне не думать о власти и силе нашей семьи?! — она горько расплакалась.

Перед глазами Ци Хена всё плыло от слез, и в этом состоянии ему внезапно вспомнилась картина из далёкого прошлого, когда он ещё учился в доме семьи Шэн. Минлань тогда была совсем малышкой, она прыгала по двору с цветущей веточкой в руках. Ею же она прочертила на земле две ровные траншеи, которые, по ее словам, были «параллельными линиями». Их пути проходили совсем рядом, но не пересекались.

Он тогда специально подшутил над ней, бросив ей на юбку гусеницу. Минлань взвизгнула и затопала ногами, чтобы стрясти с себя противного червяка. А Ци Хен, смеясь, указал на линии, которые теперь были соединены ее следами.

— Вот, смотри, теперь они пересеклись, — улыбнулся он.

Девочка выглядела так мило, как красивая фарфоровая кукла, но она жутко рассердилась на его проделку, отчего её мягкая белоснежная кожа приняла розоватый оттенок, как лепестки лотоса. У него буквально руки зачесались ущипнуть её. Чуть погодя он попытался извиниться, но Минлань отказалась его прощать. Она взяла с земли комок грязи и бросила в него, после чего развернулась и убежала.

Ци Хен собрался было побежать за ней, но в этот же момент его нашли слуги, услышавшие их голоса.

Комментарий к Глава 85: Прощание с прошлым и приветствие будущего.

1) «Жэнь» переводится как «Благодетельный»

2) Академия Ханьлинь — учреждение в императорском Китае, выполнявшее функции императорской канцелярии (её члены часто были советниками императора), комитета по цензуре и литературе, идеологического комитета, высшей школы управления, библиотеки и др.

<http://tl.rulate.ru/book/5280/1053769>